

Дмитрий Георгиевич Целорунго
*(Государственный Бородинский
 военно-исторический музей-заповедник)*

**Роль прусских военных теоретиков
 в выборе русским командованием стратегии ведения
 боевых действий в июне–сентябре 1812 г.**

В 1807 г. прусская армия после поражения в Русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг. фактически попала под управление наполеоновского командования, такое положение вещей вызвало протест многих офицеров прусской армии, которые стали переходить на службу в армии европейских государств, продолжавших борьбу с Наполеоном. Их идейным руководителем был генерал прусской армии и военный реформатор Герхард Шарнгорст (Scharnhorst).

В 1812 г. двадцать наиболее принципиальных и выдающихся прусских офицеров, в числе которых был и офицер генштаба К. Клаузевиц, подали в отставку, перешли на русскую службу и временно связали свою судьбу с Россией. Еще раньше полковник прус-

ского генерального штаба К. Фуль (Пфулю), (v. Pfuell) после сражения при Йене оставил Пруссию и был принят на русскую службу в чине генерал-майора. Эти три упомянутых прусских военных деятеля сыграли определенную роль в выборе русским командованием стратегии ведения боевых действий в июне–сентябре 1812 г.

Вопрос о начальном плане ведения войны России с Наполеоном, причем о его наличии или отсутствии, и его авторе, является дискуссионным в современной историографии. Так, еще П. А. Жилин писал: «Отступление русской армии к Смоленску не было следствием заранее разработанного стратегического плана ведения войны. Никаких планов или замыслов стратегического плана ведения войны. Никаких планов или замыслов активной обороны или отхода армии вглубь страны с целью последующего перехода в контрнаступление ни у царя, ни у М. Б. Барклай де Толли безусловно не было»¹. Но это крайний полюс мнений, имеющийся в литературе, противоположный полюс мнений состоит в том, что у русского командования имелся перед войной некий «скифский план» отхода армии в глубь страны, носителем которого якобы являлся М. Б. Барклай де Толли. Причем отсутствие письменных сведений о «скифском плане» не смущают его сторонников².

Тем не менее известно, что перед войной Александр I поручил генералу К. Фулю составить план военных действий. Этот план, по нашему убеждению, был единственным стратегическим планом ведения военных действий перед войной, хотя бы по той причине, что он был одобрен главнокомандующим и его были обязаны придерживаться все военачальники, до того момента, пока он главнокомандующим же не будет отменен. Хотя из соображений секретности посвящены во все детали этого плана были единицы, что вызывало определенное напряжение в июне-июле 1812 г. среди русского генералитета и офицерского корпуса, многие из которых были настроены на наступательные действия в начале войны³.

К. Фуль, обладая репутацией знатока теории в области военного дела, приобрел доверие императора и стал, по сути дела, при нем военным советником и даже другом, хотя не занимал никакой ответственной командной должности. По словам К. Клаузевица, император и генерал К. Фуль пришли к совершенно правильному заключению, что подлинное сопротивление Великой армии можно оказать лишь позднее, в глубине страны, ибо на границе силы были недостаточны. В соответствии с этим К. Фуль выдвинул мысль добровольно отвести военные действия на значительное расстояние внутрь России, таким путем приблизиться к своим подкреплениям, выиграть

некоторое время, ослабить противника, принудив его выделить ряд отрядов и получить возможность, когда военные действия распространятся на большом пространстве, стратегически атаковать его с флангов и с тыла. На императора эта мысль произвела сильное впечатление, так как она опиралась на пример кампании Веллингтона 1811 г. в Португалии⁴. На практике этот замысел, поддержанный Александром I, выглядел следующим образом: 1-я Западная армия должна была отойти от Вильны в укрепленный Дрисский лагерь, отстоящий от границы всего на 150 км, увлекая за собой главную массу наполеоновских войск, а 2-я Западная армия со стороны Полесья должна была нанести удар по сообщениям Наполеона. Замысел был бы не плох, если бы силы русских войск только немного уступали силам Наполеона, как это предполагал Александр I, когда он в 1811 г. давал задание Фулю. Но к началу войны три русские армии, обращенные против Великой армии, в численном отношении уступали последней в два раза, а с учетом второго эшелона Великой армии — в три раза, значительно больше того, что ожидал Александр I. В этих условиях можно было рассчитывать уравнивать силы очень глубоким, на несколько сот километров, отступлением в глубь страны, и в этом случае примерно через два месяца силы русских и Наполеона могли приблизительно сравняться.

Опытные военные называли план К. Фуля, не бравший во внимание действительное соотношение сил и средств, «планом сумашедшего или изменника». Задержаться у Дриссы значило погубить армию. Тем более к началу войны дрисские укрепления не были готовы. Для инспекции готовности Дрисского лагеря с последующим докладом царю о ходе работ по его укреплению был послан полковник свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части К. Клаузевиц, это было его первое служебное поручение на русской службе, так как он только в мае 1812 г. перешел в русскую армию из прусского генерального штаба. Здесь следует заметить, что это задание ставило К. Клаузевица в деликатное положение, так как он официально числился при генерале К. Фуле адъютантом. Тем не менее, посетив Дрисский лагерь, он нашел его не готовым к боевым действиям. Клаузевиц отдавал себе отчет в гибельности плана К. Фуля. Еще в пути на русскую службу, работая над своим военно-теоретическим трудом «Важнейшие принципы войны», он пришел к убеждению, что в начальный период грядущей войны с Наполеоном русской армии необходимо придерживаться плана глубокого отступления с действиями на вражеских коммуникациях⁵. Он критически охарактеризовал фулевскую идею Дрисского лагеря прибывшему в

главную квартиру русской армии из Берлина русскому послу, лифляндскому дворянину генерал-адъютанту графу Христофору Ливену (Lieven), который в свое время содействовал переходу К. Клаузевица на русскую службу. Х. Ливен, в прошлом боевой генерал русской армии, был подготовлен к роли военного советника Александра I. В Берлине он встречался со знаменитым военным реформатором генералом прусской армии Г. Шарнгорстом, который внимательно следил за положением дел на русском театре военных действий. При встречах в Берлине он высказывал Х. Ливену мысль, что широкий отступательный маневр является главным козырем России в предстоящей войне и «первый выстрел из пистолета должен последовать только у Смоленска». Х. Ливен на своей аудиенции у Александра I, несомненно, доложил ему о взглядах Г. Шарнгорста, К. Клаузевица и других выдающихся прусских офицеров на ход военной кампании в России. «Господствующее в Берлине мнение заключалось в том, что Наполеона должны погубить огромные размеры Российской империи, если Россия их использует надлежащим образом, т. е. будет оберегать свои силы до последнего мгновения и ни при каких условиях не заключать мира. Эту мысль, в частности, высказывал Г. Шарнхорст»⁶. Как показали последующие события — удаление из армии К. Фуля, отступление русских армий в глубь страны, минув Дрисский лагерь, — эти советы, несомненно, оказали на Александра I определенное влияние.

16–17 августа произошло Смоленское сражение. Сражение было упорным и кровопролитным, русские потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 11,6 тыс. человек, Великая армия потеряла, по русским источникам, около 14 тыс. человек убитыми и ранеными, по французским — около 6 тыс. человек. В августе Наполеон стал терять численное преимущество своих главных сил на центральном направлении. Соотношение сил здесь начинало уравниваться, что являлось результатом растущих потерь, как в боях и сражениях, так и не боевых потерь из-за болезней, скудного питания, дезертирства, кроме того, растянутые на более чем 600 км коммуникации требовали дополнительных сил.

Стратегические замыслы ведения войны против Наполеона в России Г. Шарнгорста и К. Клаузевица стали оправдываться. Но это произошло не само собой, а в ходе борьбы мнений в среде русского командования, пик которой приходится на события после Бородинского сражения и оставления Москвы, когда масса командного состава готова была плакать, глядя на пожар Москвы, считая кампанию проигранной. С другой стороны, Клаузевиц подчеркивал, как до са-

мого начала французского отступления командный состав русской армии не осознал, что кампания русскими уже выиграна. Строгая «логическая система», в которую вылились последние отступательные акты русской армии, сложились, по мнению К. Клаузевица, вполне бессознательно. М. И. Кутузов и К. Ф. Толь после Бородина составляли исключение, неясно нащупывая запутанность положения Наполеона. К. Ф. Толь еще на пути в Москву говорил Клаузевицу о желательности продолжать отход из Москвы не на восток, а на юг, чтобы занять фланговую позицию и начать давление на коммуникации Наполеона; но сразу провести эту идею К. Ф. Толю не удалось. Клаузевицу пришлось затратить немало сил, поддерживая К. Ф. Толя в спорах с его оппонентами из русского генералитета, доказывая правильность его идеи⁷.

Поход Наполеона в Россию, как известно, закончился для его воинства катастрофой. Основная группировка наполеоновских войск, действуя на московском направлении, потеряла около 90 % своего солдатского и более половины офицерского состава. В основе этой победы лежали действия русского командования, порой осознанные, порой нет, но импульс этим действиям дал стратегический план К. Фуля. Его роль при поддержке Александра I в выборе русским командованием стратегии ведения боевых действий была ключевой, и при всей своей противоречивости в конечном счете ее можно признать положительной, в первую очередь за идею стратегического отхода в глубь территории и действия на коммуникациях противника. В конце 1812 г., когда основная идея К. Фуля в измененном виде и при изменившихся обстоятельствах — действовать на сообщениях Великой армии — привела к благоприятному окончанию войны, император произвел его в генерал-лейтенанты и назначил посланником в Гаагу. Хотя неудача проекта Дрисского лагеря скомпрометировала стратегический авторитет К. Фуля, но она и показала русскому командованию в первые дни войны катастрофичность предвоенных замыслов главного командования дать генеральное сражение противнику, отступив от границы всего на 150 км, не говоря уже о настроениях предпринять наступательные действия, витавшие в русской армии в те дни. К. Фуля как стратега подвело, по выражению Клаузевица, «значение масштаба»: «То, что очень важно для пространства в 100 миль (750 км), может оказаться совершенно иллюзорным на пространстве 30 миль (225 км). План Фуля, однако, послужил случайным поводом к тому обороту, который приняла кампания⁸. Просчет К. Фуля пришлось исправлять уже русским генералам, в первую очередь М. Б. Барклаю де Толли и П. И. Багратиону,

с помощью своего тактического искусства в первые месяцы войны. Следует также отметить и посильный вклад немецких стратегов Г. Шарнхорста и его ученика К. Клаузевица в выбор русским командованием стратегии ведения боевых действий в июне–сентябре 1812 г.

¹ Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953. С. 85.

² Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 66–68, 308–309; Монахов А. Л. Александр I, Барклай де Толли и «скифский план» // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы научной конференции. Москва, 24 апреля 1998. М., 2000; Шведов С. В. Два основных течения в историографии «скифских планов» русского командования в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конференции. М., 2001; Монахов А. Л. М. Б. Барклай де Толли и планы наступательной войны в 1811–1812 гг. // Там же.

³ Монахов А. Л. М. Б. Барклай де Толли... С. 93–94.

⁴ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 33.

⁵ Свечин А. А. Клаузевиц. М., 1936. С. 142.

⁶ Клаузевиц К. 1812 год. С. 43.

⁷ Свечин А. А. Клаузевиц. С. 179.

⁸ Клаузевиц К. 1812 год. С. 31.